

КЫРГЫЗСКО-ТАДЖИКСКИЙ ПОГРАНИЧНЫЙ КОНФЛИКТ В АПРЕЛЕ 2021 ГОДА: ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРИЧИННО- СЛЕДСТВЕННЫЙ КОНТЕКСТ

Эрик Макглинчи
Университет Джорджа Мейсона

В конце апреля 2021 года в результате трансграничного насилия погибли 36 граждан Кыргызстана и 19 граждан Таджикистана.¹ Сказать, что кыргызско-таджикская граница является сложной, было бы преуменьшением. Распад Советского Союза в 1991 году превратил внутренние и особо незаметные административные границы в важные и международно-признанные государственные границы. Деревни, сельхозугодия, пастбища и инфраструктура, которые в советский период были общими, сегодня разделены между суверенными государствами. Эксклавы еще больше усложняют трансграничные поездки, торговлю и политику. Три узбекских и два таджикских эксклава находятся на территории Кыргызстана, и некоторые из самых серьезных вспышек насилия во время конфликта в апреле 2021 года произошли на дороге, ведущей в таджикский эксклав Ворух.

На таджикско-кыргызской границе уже случались эпизоды конфликтов. Но события апреля 2021 года отличались как по своим масштабам, так и по затяжной враждебности, которая продолжалась в течение нескольких недель после конфликта. Трансграничная торговля остановилась, поскольку грузовикам с таджикскими и кыргызскими номерами было отказано в возвращении в свои страны.² Таджикских авиапассажиров развернули обратно в международном аэропорту "Манас" Кыргызстана.³ Местные таджикские власти запугивали этнических кыргызов, проживающих в Таджикистане, предупреждая их, что наличие двойного паспорта является незаконным и что необходимо сделать выбор "между двумя гражданствами."⁴

Хотя масштабы и последствия апрельского насилия уже очевидны, движущие силы этого смертоносного конфликта остаются сложными для понимания. Отчасти насилие стало результатом нехватки воды и зачастую трудноразрешимых проблем, возникающих при попытках управления ресурсами общего пользования. Кроме того, проблема управления общими ресурсами была и остается сложной из-за запутанных границ, которые Таджикистан и Кыргызстан унаследовали после распада СССР. Ставки, связанные с контролем этих границ, еще более усиливаются возможностями получения ренты, которые возникают при контроле торговли, особенно незаконной, через кыргызско-таджикскую границу. Наконец, националистическая риторика таджикских и кыргызских лидеров «помогает» трансформировать кажущиеся технократическими пограничные споры в чуть ли не экзистенциальные кризисы национальной идентичности. Если мы хотим избежать будущих конфликтов, необходимо уделить больше внимания пониманию того, как управление общими ресурсами, нечеткие границы, незаконная торговля и националистическая риторика приводят к эпизодическому насилию на таджикско-кыргызской границе.

РЕСУРСЫ ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

Ресурсы общего пользования (РОП), даже если они полностью находятся в пределах одного государства, трудно поддаются регулированию. Политолог Элинор Остром задокументировала проблемы, с которыми сталкиваются сообщества при справедливом распределении РОП, когда отсутствуют общие нормы, четкое понимание преимуществ регулирования и готовая способность контролировать использование ресурсов и потенциальное злоупотребление ими.⁵ В центре конфликта в апреле 2021 года находится водоснабжение, которое разделяет две группы населения, у которых, к сожалению, нет общих норм в отношении водопользования, нет общего представления о преимуществах регулирования, и, что самое проблематичное, нет единого органа, который мог бы контролировать использование и злоупотребление водопотреблением.

Насилие в апреле 2021 года началось из-за претензий Кыргызстана и Таджикистана на водозабор Головной – шлюз, который регулирует поток воды из реки Ак-Суу (Кыргызстан) / Исфара (Таджикистан) для таджикских и кыргызских общин, расположенных ниже по течению. Это был не первый случай, когда споры вокруг Головного привели к насилию. Строительство кыргызской дороги рядом со шлюзом вызвало перестрелку между таджикскими и кыргызскими пограничниками в 2014 году.⁶ После стычки 2014 года обе стороны, вместе с международными партнерами, попытались создать совместный кыргызско-таджикский режим мониторинга воды.⁷ Этот режим еще не установился, и контроль над построенным в советское время объектом Головной, а также распределение воды, вытекающей из этого объекта, остается предметом горячих споров.⁸

Правительство Таджикистана обвинило Кыргызстан в одностороннем стремлении завладеть критически важной водной инфраструктурой.⁹ Правительство Кыргызстана, в свою очередь, обвиняет Таджикистан в разжигании насилия в апреле 2021 года путем установки камер наблюдения на электрических столбах на территории Кыргызстана для наблюдения за объектом Головной.¹⁰ Если трансграничные сообщества, зависящие от реки Ак-Суу/Исфара, не смогут выработать общие нормы, общее видение и общий механизм мониторинга, то объект Головной и споры по поводу воды в целом будут продолжать способствовать возникновению конфликтов в регионе.

НЕЯСНЫЕ ГРАНИЦЫ

Большое количество жертв в конфликте у Головного по сравнению с другими трансграничными конфликтами, вероятно, является результатом характера инфраструктуры и ресурсов, о которых идет спор. Тем не менее, конфликт у Головного имеет общую с другими, менее ожесточенными кыргызско-таджикскими конфликтами причину, заключающуюся в нечеткости границ. Кыргызстан и Таджикистан имеют общую границу протяженностью 976 км, из которых 472 км еще не признаны обоими государствами. В позднесоветский период нечеткость этих тогдашних внутренних границ редко приводила к кровопролитию. Коммунистическая партия централизованно планировала и централизованно контролировала многочисленные инфраструктурные проекты, пересекавшие Евразию, и, при необходимости, разрешала споры, возникавшие между республиками, входившими в состав СССР.

Важно отметить, что эта неопределенность границ Центральной Азии не была результатом недосмотра. Конфликты, возникшие в результате нечеткости границ, способствовали достижению цели Москвы – утвердить центральное правительство, а не центральноазиатские элиты, в качестве высшего арбитра и власти.¹¹ Нечеткие границы, унаследованные в 1991 году, которые когда-то были полезны для укрепления советского суверенитета, теперь являются нежелательным напоминанием для таджикского и кыргызского режимов о том, что ни один из них не способен в полной мере выполнять роль государства, не способен в полной мере утверждать суверенитет и проецировать неоспоримую власть на государственную территорию.

Почему же конфликты на этих границах носят спорадический, а не постоянный характер? В данном случае пограничный конфликт, произошедший через месяц после апрельских событий в Головном, дает представление об этом. В начале июня 2021 года Таджикистан разместил контейнер на спорной территории между Чоң-Алайским районом Кыргызстана и Горно-Бадахшанским районом Таджикистана. В ответ на протесты кыргызского правительства контейнер был перемещен обратно на неоспариваемую территорию Таджикистана, состоялась встреча руководителей органов безопасности обеих стран, и оба правительства договорились о сокращении войск вдоль границы.¹²

Подобные соглашения о соблюдении нечетких и неконтролируемых границ заключаются не только в Центральной Азии. Джеффри Хербст документирует подобные соглашения между странами Африки к югу от Сахары.¹³ Здесь, как и в случае с Центральной Азией, новые независимые государства скорее наследовали, чем боролись за государственные границы. Сделки между колониальными державами, заключенные с целью получения богатств и избежания войны, сформировали многие африканские государственные границы, которые мы видим сегодня. И африканские государства, многие из которых борются за контроль над собственным населением, часто более склонны к переговорам, а не к вооруженной конфронтации для решения сохраняющихся трансграничных споров.¹⁴

Центральные правительства в Душанбе и Бишкеке, как и их африканские коллеги, далеки от страстей, разжигающих конфликты среди преимущественно аграрного населения, живущего вдоль межгосударственных границ. У правительств Таджикистана и Кыргызстана мало желания и ресурсов для ведения напряженных боев за пастбища и сельхозугодья вдоль плохо демаркированных границ своих государств. Да, центральные правительства могут поначалу реагировать с блеском и бравадой, когда кажется, что их граждане в приграничных районах находятся под угрозой. Однако в долгосрочной перспективе кыргызский и таджикский режимы поддерживают статус-кво, это достигнутое в результате переговоров понимание того, что лучше продолжать жить с нечеткими границами, чем рисковать, вступая в войну для разрешения эпизодических пограничных конфликтов.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ РЕНТЫ И НЕЗАКОННАЯ ТОРГОВЛЯ

Таджикистан, в отличие от Кыргызстана, еще не вступил в Евразийский экономический союз, общий рынок, в который входят Армения, Беларусь и, что особенно важно, богатые нефтью Россия и Казахстан. Положение Таджикистана вне Евразийского экономического союза усилило уже давно существующее неравенство в ценообразовании на один из важнейших товаров – топливо. Таджикские водители платят за бензин в среднем на 40% больше, чем их кыргызские коллеги.¹⁵ Этот разрыв в ценах на бензин привел к возникновению обширной контрабандной экономики. Считается, что контрабандное кыргызское топливо составляет 30 процентов от общего объема поставок бензина в Таджикистан.¹⁶

Топливо – не единственный товар, обогащающий таджикские и кыргызские преступные сети. Наркотики из Афганистана следуют транзитом через Таджикистан и Кыргызстан на пути в Россию и на европейские рынки. Потоки торговли наркотиками еще более непрозрачны, чем трансграничная контрабанда топлива. Тем не менее, мы знаем, что торговля наркотиками может разжигать конфликты на границе. Например, в 2012 году

боевики, верные местному таджикскому полевому командиру Толибу Аёмбекову, вступили в столкновение с пограничниками. Истоки столкновения лежат в противоборствующих попытках Аёмбекова и таджикского государства получить ренту, извлекаемую от контроля над торговлей наркотиками, проходящей через пограничный пост Ишкашим с Афганистаном.¹⁷

Существует мало доказательств того, что контрабанда, будь то топлива или наркотиков, была непосредственным фактором, способствовавшим насилию в Головном. Однако, учитывая, что таджикско-кыргызская граница изобилует рентой, получаемой от контроля над незаконной торговлей, у таджикских и кыргызских лидеров есть серьезные стимулы скорее подорвать, чем повысить профессионализм государственных институтов, таких как пограничная служба. Не сила, а скорее "слабость государственных учреждений" парадоксальным образом дает автократам возможность извлекать выгоду из незаконной торговли.¹⁸ Как отмечает Уильям Рино, говоря о случаях незаконной трансграничной торговли в Африке, ослабление государственных учреждений с целью содействия коррупции одновременно приводит к возникновению среды, в которой часто происходят вооруженные конфликты.¹⁹

НАЦИОНАЛИЗМ

Границы и пограничные конфликты – реальные и искусственные – являются идеальным фоном для националистических политиков. В 2015 году кандидат Дональд Трамп начал свою успешную президентскую кампанию с образа Мексики, посылающей через границу наркоторговцев и насильников. Националистические лидеры в Кыргызстане и Таджикистане, как и их американские коллеги, пришли к выводу, что акцентирование президентской реакции на пограничные конфликты является политически целесообразным. Президент Кыргызстана Жапаров пообещал семьям, потерявшим родственников в результате апрельского насилия, государственную помощь в размере 11 700 долларов.²⁰ Это президентское благодеяние, хотя и не может заменить потерю близкого человека, но укрепляет тщательно создаваемый имидж Жапарова как защитника нации. Президент Рахмон также попытался извлечь выгоду из этого периода повышенной враждебности. Он заверил граждан Таджикистана, проживающих в эксклаве Ворух, что "ни в коем случае" Душанбе не уступит эту территорию Кыргызстану.²¹

К счастью, на данный момент оба президента, похоже, предпочитают блеф пулям. Рахмон и Жапаров, хотя и сделали немного, чтобы заглушить националистическую риторику в СМИ своих стран, заверили друг друга по телефону, что каждый из них выведет войска из зоны конфликта и что правительственные делегации продолжают встречи для обсуждения делимитации границы. Достичь конкретных успехов в деле делимитации будет непросто, учитывая националистические позиции, занятые обоими лидерами. Кроме того, сохраняющаяся неопределенность границы работает на пользу обоим

лидерам. Периодические, но кратковременные волнения на границе, будь то скопление мигрантов на южной границе США или спорадическое насилие между таджикскими и кыргызскими сельчанами, предоставляют националистическим президентам региональные и, более того, мировые сцены, на которых они могут играть роль защитников государства.

СЛОЖНЫЙ КОНФЛИКТ

Аналитики и социологи обычно стремятся к упрощению, а не к усложнению проблем. Однако насильственные конфликты редко имеют одну причину. Столкновения 28-29 апреля на кыргызско-таджикской границе имеют много общего с другими смертельными конфликтами, произошедшими на границах государств Центральной Азии. Эти конфликты нельзя свести только к спорам о ресурсах. Их также нельзя объяснить, ссылаясь исключительно на несогласованные границы региона, картографическое наследие распавшейся империи. То, что одна страна является членом экономического союза, а другая – нет, может придать этим мутным границам новый смысл и новые возможности для поиска ренты. И да, националистическая риторика как президента Рахмона, так и президента Жапарова создает почву, благоприятную для трансграничного насилия. Но в то время как националистическая риторика, неясные государственные границы, незаконная экономика и споры о ресурсах общего пользования остаются постоянными, трансграничные конфликты по-прежнему носят спорадический характер.

В конечном счете, непосредственная движущая сила, пресловутая искра, которая поджигает любую вспышку насилия, варьируется от случая к случаю. Стратегии, разработанные для смягчения трансграничных конфликтов, не будут успешными, если они будут фокусироваться на непосредственных «искрах» в ущерб более глубоким, хотя и не всегда очевидным причинным переменным насилия. Проблемы управления ресурсами, неопределенные государственные границы, незаконная торговля и все более националистический дискурс являются общими предпосылками, которые повышают вероятность таджикско-кыргызского трансграничного насилия. Работа над этими предпосылками, а также сложными взаимодействиями между ними, имеет важное значение для того, чтобы искры трансграничного конфликта не перерастали в пламя трансграничного конфликта.

Ссылки

- ¹ “Kyrgyzstan ‘Temporarily’ Bars Tajik Passengers After Deadly Border Clashes,” RadioFreeEurope/RadioLiberty, May 20, 2021, <https://www.rferl.org/a/kyrgyzstan-tajik-passengers-bar/31274399.html>.
- ² “Dozens of Trucks with Tajik License Plates Stuck in Kyrgyzstan,” Kyrgyzstan Newswire, May 19, 2021, <https://advance-lexis-com.mutex.gmu.edu/document/?pdmfid=1516831&crd=22c9d233-7a5a-455c-8121-8c965a00f6ce&pddocfullpath=%2Fshared%2Fdocument%2Fnews%2Furn%3AcontentItem%3A62PT-CG81-F13Y-8547-00000-00&pdccontentcomponentid=459829&pdteaserkey=sr3&pditab=allpods&ecomp=1bvnk&earg=sr3&prid=0903c078-1fea-4d86-a93f-20e7078d5393>.
- ³ “Kyrgyzstan ‘Temporarily’ Bars Tajik Passengers After Deadly Border Clashes.”
- ⁴ Farangis Najibullah, Mumin Ahmadi, and Gulaiym Ashakeeva, “Tajik, Kyrgyz Officials Deny Reports Of Ethnic-Based Expulsions After Deadly Border Fighting,” RadioFreeEurope/RadioLiberty, May 7, 2021, <https://www.rferl.org/a/tajik-kyrgyz-officials-deny-reports-of-ethnic-based-expulsions-following-deadly-border-fighting-/31243377.html>.
- ⁵ Elinor Ostrom, *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action* (Cambridge University Press, 1990).
- ⁶ David Trilling, “Kyrgyzstan & Tajikistan: Memo from a Fergana Flashpoint | Eurasianet,” March 12, 2014, <https://eurasianet.org/kyrgyzstan-tajikistan-memo-from-a-fergana-flashpoint>.
- ⁷ “Isfara River - the River of Friendship,” November 18, 2019, https://carececo.org/en/main/news/reka-isfara-reka-druzhby/?fbclid=IwAR1k53pS8Wo-_B03XoQ1P6_Nto0np1Wb5DLzFvI7x71ELFAhKjNV9RgG7Cl.
- ⁸ Ayzirek Imanaliyeva, Kamila Ibragimova, and Peter Leonard, “Tempers Flaring as Kyrgyzstan, Tajikistan Come to Deadly Blows | Eurasianet,” April 29, 2021, <https://eurasianet.org/tempers-flaring-as-kyrgyzstan-tajikistan-come-to-deadly-blows>.
- ⁹ “Tajikistan Accuses Kyrgyzstan of Attempting to Seize Water Facility,” BBC Monitoring Central Asia Unit, April 29, 2021, <https://advance-lexis-com.mutex.gmu.edu/api/document?collection=news&id=urn:contentItem:62JH-6FH1-DYRV-31RW-00000-00&context=1516831>.
- ¹⁰ Imanaliyeva, Ibragimova, and Leonard, “Tempers Flaring as Kyrgyzstan, Tajikistan Come to Deadly Blows | Eurasianet.”
- ¹¹ Francine Hirsch, “Toward an Empire of Nations: Border-Making and the Formation of Soviet National Identities,” *Russian Review* 59, no. 2 (April 2000): 201–26.
- ¹² “Tadjikistan i Kyrgyzstan podpisali protokol po voprosam granitsi,” Radio Ozodi, June 5, 2021, <https://rus.ozodi.org/a/31291665.html>.
- ¹³ Jeffrey Herbst, *States and Power in Africa: Comparative Lessons in Authority and Control* (Princeton: Princeton University Press, 2000).
- ¹⁴ Jonah Leff, “Pastoralists at War: Violence and Security in the Kenya-Sudan-Uganda Border Region,” *International Journal of Conflict and Violence (IJCV)* 3, no. 2 (December 20, 2009): 188–203, <https://doi.org/10.4119/ijcv-2785>.
- ¹⁵ Пайрав Чоршанбиев, “Бензин после резкого подорожания цены на него исчез с заправок Таджикистана,” ASIA-Plus, 15 марта 2021 г., <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20210315/benzin-posle-rezkogo-podorozhaniya-tseni-na-nego-ischez-s-zpravok-tadzhikistana>.
- ¹⁶ Чоршанбиев.
- ¹⁷ Eric McGlinchey, “States of Protest in Central Asia - PONARS Eurasia,” <https://www.ponarseurasia.org/>, September 27, 2013, <https://www.ponarseurasia.org/states-of-protest-in-central-asia/>.
- ¹⁸ William Reno, “Clandestine Economies, Violence and States in Africa,” *Journal of International Affairs* 53, no. 2 (2000): 433–59.
- ¹⁹ Reno, 434.
- ²⁰ “Families of Those Killed in Conflict on Border with Tajikistan to Receive Compensation - Kyrgyz President,” Russia & CIS General Newswire, May 6, 2021, <https://advance-lexis-com.mutex.gmu.edu/api/document?collection=news&id=urn:contentItem:62M0-J8S1-JC92-P173-00000-00&context=1516831>.
- ²¹ “No Plans To Swap Volatile Vorukh Exclave For Kyrgyz Land, Tajik President Tells Residents,” RadioFreeEurope/RadioLiberty, April 9, 2021, <https://www.rferl.org/a/tajikistan-rahmon-vorukh-border-disputes-kyrgyzstan-/31195194.html>.

Об авторе

Эрик МакГлинчи является доцентом политики и управления в Школе политики и управления им. Шара Университета Джорджа Мейсона. МакГлинчи получил докторскую степень в Принстонском университете и является автором книги «Хаос, насилие, династия: политика и ислам в Центральной Азии» (2011). МакГлинчи широко публикуется в научных журналах и популярной прессе и участвовал во многих исследованиях правительства США, в том числе в исследовании, финансируемом USAID, по оказанию помощи политическим партиям в Восточной Европе и Евразии в 2007 году.

Crossroads Central Asia - независимый научно-исследовательский институт, расположенный в Бишкеке. Crossroads Central Asia поддерживает, поощряет и практикует проведение профессиональных исследований в целях обеспечения открытости, безопасности и процветания Центральной Азии. W: <https://www.crossroads-ca.org/>.

the Hollings Center
for international dialogue

Данная аналитическая статья подготовлена в рамках проекта «Обсуждение международных отношений в Центральной Азии: региональное развитие и внерегиональные субъекты». Проект осуществляется под руководством Шаирбека Джураева и Эрика МакГлинчи при поддержке Центра Холлингса по международному диалогу.

Взгляды, выраженные в данной публикации, принадлежат автору и не обязательно отражают точку зрения Crossroads Central Asia и/или Центра Холлингса по международному диалогу.